

Из шести искусств благородного мужа Ли Гуаньцзин не каждым владел в совершенстве, но обучался им прилежно. Потому он кивнул, встал на стрелковое место, поднял лук на уровень плеч и изо всех сил натянул тетиву — та поддалась едва наполовину. Выпущенная стрела уверенно вонзилась в мишень, но до самого центра не долетела.

— Позой грозен, а меткость подкачала, — забрал лук Лан Чжань, выпустил одну за другой три стрелы — все всадил в яблочко. Потом подбросил лук на ладони и сказал Ли Гуаньцзину:

— Из отборного пурпурного сандала сделан, силу в два ши тянет. Жаль, в армию тебе путь заказан, а то бы подарил.

Ли Гуаньцзин рассмеялся:

— Опять морочишь мне голову. Завтра приведу Синь — посмотрим, останется ли у тебя даровая речь.

— Ты гость редкий — для тебя! — отозвался Лан Чжань. — А Синь у меня частенько бывает, чем она диковинна?

Пока они перешучивались, слуга доложил о прибытии гостя. Лан Чжань сунул лук в руки Ли Гуаньцзину, хлопнул того по плечу:

— Сам пока позабавляйся, я мигом.

Ли Гуаньцзин с улыбкой согласился. Когда Лан Чжань удалился, он опустил взгляд на лук. Принимая его, он краем пальцев нащупал на ложе гравировку. Теперь, при свете, разглядел три мелких иероглифа: «Пишамэнь».

Си Фэн, заметив, как изменилось лицо Ли Гуаньцзина, приблизился и спросил:

— Что такое?

Ли Гуаньцзин слегка покачал головой и сказал сопровождавшему их стражнику:

— У генерала дел по горло. Потрудись передать: я на сегодня откланяюсь, в другой раз зайду.

Пир в резиденции князя Юйхана затеяли наспех, потому приглашения разослали лишь немногим. Приглашённые главы семей были заняты службой, и гости начали подъезжать лишь после полудня.

Ли Гуаньцзин с Ли Чжаоинем вместе с князем принимали прибывавших в переднем зале. Ли Гуаньцзин вполголоса подсказывал Ли Чжаоину, кто есть кто, попутно поглядывая, не появились ли его приятели. Прождав изрядно, первым неожиданно увидел Лан Сьюаня.

Лан Чжань отправился обмениваться любезностями с князем, а Ли Гуаньцзин представил Лан Сьюаня и Ли Чжаоина друг другу. Лан Сьюань с улыбкой молвил Ли Чжаоину:

— Давно наслышан о втором гунцзы, наконец-то довелось увидеть.

Ли Чжаоин тоже обменялся учтивыми фразами.

Ли Гуаньцзин, видя, что те друг другу чужды, вовремя подхватил беседу:

— Когда вернулся?

— Вчера к ночи.

Ли Гуаньцзин цыкнул:

— Так впопыхах? Почему дома не отдохнул?

— Сестрёнка только вернулась, в Чанъани всё для неё в новинку. Решил, случай подходящий — пусть людей посмотрит, себя покажет.

Ли Чжаоин чуть отклонился назад — движение было совсем малое, и, будь Ли Гуаньцзин подальше, он бы и не заметил. Он на мгновение задумался, не показалось ли ему, но отбросил подозрения: Ли Чжаоин и Лан Сьюань прежде не встречались, что уж говорить о Лан Сьюй.

Миг сомнения — и Ли Гуаньцзин спросил далее:

— Сестрица уже в задних покоях?

Лан Сьюань кивнул.

Ли Гуаньцзин толкнул Ли Чжаоина:

— Двоюродная сестрица с ней ровесницы. Сходи, скажи, пусть приглядит за ней.

Ли Чжаоин бесстрастно ответил:

— Двоюродная сестра — тоже гостя. Сама в Чанъани не ориентируется — как ей приглядывать за девицей Лан?

Улыбка на лице Лан Сьюаня застыла. Ли Гуаньцзин тоже опешил и с удивлением взглянул на Ли Чжаоина. Увидев его холодное выражение, понял, что задел больное место. Немного смутившись, он постарался сгладить ситуацию:

— Моя оплошность. Двоюродная сестра с юга, с рек, привыкла на усском говорить — девица Лан, пожалуй, не поймёт. Ступай лучше к матушке, передай привет.

Лан Сьюань промычал:

— Потрудился.

Ли Чжаоин вежливо кивнул, развернулся и направился в задние покои.

Лан Сьюань прищурился, глядя ему вслед:

— А-Цзин, как это раньше я ни разу не слышал, что у тебя двоюродная сестра с юга?

Ли Гуаньцзин рассмеялся:

— Ты ведь семейный человек, к чему это о девицах спрашивать?

— Любопытно просто.

— Двоюродная сестра из семьи Се, у нас временно проживает, — Ли Гуаньцзин похлопал Лан Сьюаня по плечу. — Вон Синь подошла. Пойдём, Чай Тайвэя встретим.

Лан Сьюань дёрнул плечом, отстраняясь, и усмехнулся:

— Иди себе, зачем меня тащить?

Не успел он договорить, как семья Чаев уже приблизилась к переднему залу, и Чай Сюань, выглянув из-за плеча князя, заметил Ли Гуаньцзина и помахал тому рукой.

Лан Сюань уже собрался подтолкнуть Ли Гуаньцзина вперёд, как Чай Сюань произнёс:

— Чунцзи тоже иди сюда.

Неразлучные друзья плечом к плечу выступили вперёд и, как и ожидали, подверглись проверке знаний. Сами по себе вопросы были не страшны — страшен был Чай Сюань, от природы не склонный к улыбкам, смуглолицый, да к тому же говоривший с густым цюаньчжоуским выговором. Коли собеседник не сразу улавливал смысл, Тайвэй тут же становился ещё суровее. Потому вся молодёжь при виде него норовила улизнуть. К счастью, теперь они повзрослели, и хотя Чай Сюань по-прежнему был серьёзен, уже не распекал их, как в былые времена.

Ли Гуаньцзин отбивался от вопросов Чай Сюаня, краем глаза поглядывая на Чай Синь. Невольно он вспомнил о её предстоящем замужестве. Хоть он и наобещал с три короба, вся надежда была на Ли Цзина, а конкретного плана у него пока не имелось.

Чай Сюань задал несколько вопросов, и князь тактично увёл его. Ли Гуаньцзин собрался с двумя приятелями. Чай Синь, естественно, спросила про Лан Сьюй и, узнав, что та в заднем дворе, захотела навестить. Лан Сюань поспешил её остановить:

— Там одни женщины, как тебе туда идти?

Чай Синь возразила:

— Несколько лет назад я с матушкой ездила на Утайшань Будде поклониться — там с сестрицей и виделась. Что ж нынче-то нельзя?

Чай Синь и Лан Сьюй были ровесницами. В детстве остальные мальчишки не любили с девчонками возиться, лишь у Чай Синь хватало терпения с той повозиться. Потому их дружба была особенной. Желание Чай Синь повидаться с Лан Сьюй было вполне понятным.

Ли Гуаньцзин поддержал:

— Твоя сестра — наша сестра. Раз уж Синь выбрала время, пусть повидается. Вот что: когда пир кончится и гости станут разъезжаться, мы в задних покоях провожать будем.

Лан Сюань прищурился.

Чай Синь упёрла руки в боки:

— А что такого? Мы же ещё несовершеннолетние, на сестрицу посмотреть разве нельзя?

— Какая сестрица? Я тоже хочу посмотреть! — Цинь Цзыюй возник неизвестно откуда, втиснулся меж троих, перекинул руку через плечо Чай Синь, и та, опускаясь, нечаянно скользнула у неё по груди.

Чай Синь вздрогнула, собралась было оттолкнуть его, но Цинь Цзыюй обхватил её за шею, притянул к себе и сказал Ли Гуаньцзину:

— Я дома просто с ума схожу от тоски! Как впредь такие пиры будут — непременно зови!

— Не смею тебя от учёбы отвлекать, — со смехом отстранил его Ли Гуаньцзин. — Чай Тайвэй вон там, гляди, опять за неблагоприятное поведение отчитает.

Цинь Цзыюй поспешно выпрямился, украдкой поглядев на Чай Сюаня.

Остальные трое рассмеялись. Чай Синь тайком вздохнула с облегчением.

Цинь Цзыюй и сам был рад, что Ли Гуаньцзин его отодвинул. Когда он приобнял Чай Синь, ничего особенного не задумывал, но, обхватывая её, нечаянно коснулся груди — и ощутил под тканью неожиданную твёрдость. Да ещё и лёгкий аромат донёлся — он на миг застыл. Непроизвольно вспомнилась Лю Шанлань из прежних времён, что пошла на войну вместо отца. Сердце его забилось, как барабан. Не иначе, рехнулся. К счастью, Цинь Цзыюй с детства виды видывал, потому всю свою растерянность списал на страх перед Чай Сюанем — остальные и не заметили. Во время пира он то и дело поглядывал на Чай Синь, и чем больше смотрел, тем сильнее сомневался. Ли Гуаньцзин из-за неразстворённого яда в теле был вынужден строго блюсти диету и осторожничать в каждом движении, да ещё и лекарства постоянно принимал — оттого был худ и тщедушен, с налётом болезненной учёности. Но Чай Синь, выросшая в военной семье, отчего-то казалась ещё более хрупкой и изящной, чем Ли Гуаньцзин?

Пир благополучно завершился, гости стали расходиться по двое-трое. Чай Синь помнила о своём желании повидать Лан Сыюй, покинула место и потянула Ли Гуаньцзина за собой, заодно позвав и Ли Чжаоина. Тот лишь улыбнулся и вежливо отказался. Лан Сыюань, сперва недовольный, увидев отношение Ли Чжаоина, хмыкнул и, схватив погружённого в раздумья Цинь Цзыюя, потащил того к чёрному ходу.

Цинь Цзыюй пребывал в недоумении, но, узнав, что Чай Синь хочет видеть Лан Сыюй, возведённые им было подозрения рухнули сами собой. Он удивился:

— Ты что, в девицу Лан влюблён?

Не дожидаясь ответа Чай Синь, Лан Сыюань нахмурился:

— Что за вздор несёшь?

Цинь Цзыюй спохватился, что ляпнул лишнее, и поспешил добавить:

— Не хотел обидеть сестрицу!

<http://bllate.org/book/15944/1425380>